

Феноменология в пространстве психиатрии: Хайдеггер и клиницисты

О.А. Власова

*Курский государственный университет, кафедра философии
305000 г. Курск, ул. Радищева, 33*

В статье рассматриваются отношения М. Хайдеггера с психиатрами В.Э. фон Гебзаттелем, Л. Бинсвангером. М. Боссом. Показано влияние их воззрений, работ и деятельности на жизнь и идеи Хайдеггера.

В жизни Мартина Хайдеггера есть факты, которые обычно упоминаются лишь вскользь, но они, тем не менее, чрезвычайно важны для понимания его творчества и наследия. Одним из таких фактов является общение Хайдеггера с психиатрами. Три психиатра оставили в его жизни заметный след — В.Э. фон Гебзаттель, Л. Бинсвангер и М. Босс¹. Каждый из них встречался на разных этапах его пути и по-своему вписал свое имя в биографию великого философа.

Первым психиатром, с которым Хайдеггер тесно общался, был барон Виктор Эмиль фон Гебзаттель. К тому моменту, когда они познакомились, Гебзаттель уже успел защитить диссертацию по психологии иррадиации ощущений у Т. Липпса, по медицине — об атипичных формах туберкулеза, и стал видным представителем феноменологической психиатрии, развивающейся в первой трети XX века на границе философии и психиатрии. Внимание Гебзаттеля-психиатра всегда было сосредоточено на «экзистенциальном модусе существования конкретного человека», на личности пациента. По мнению Гебзаттеля, «болезнь в первую очередь является способом человеческого бытия», и поэтому важнейшим для психиатрии должен являться вопрос о том, «что за реальность раскрывается во встрече с неповторимой, своеобразной личностью больного».

Весной 1946 г., после отставки и настигшего его в результате нервного расстройства, Хайдеггер находится в частном санатории Гебзаттеля «Баден» в Бадевейлере. Об этом периоде жизни Хайдеггера практически ничего неизвестно: непонятно ни то, от чего он лечился, ни то, как. Р. Сафрански пишет, что Хайдеггер признавался Г.-В. Петцету, что ему стало плохо во время «инквизиторского допроса» в декабре 1945 г., и декан медицинского факультета Курт Берингер отвез его в Баден. Касаясь лечения, которое Гебзаттель мог предложить Хайдеггеру, нужно вспомнить высказывание его самого о том, что же предпринял этот доктор сразу после его приезда: «И что же тот сделал? — говорил Хайдеггер, — Для начала просто поднялся со мной че-

¹ Есть еще К. Ясперс, который был Хайдеггеру скорее другом-философом, чем другом-психиатром. Кстати, в протоколах Цолликонских семинаров, беседах с Боссом и письмах к нему о Ясперсе Хайдеггер не говорит не слова, как ничего не пишет о семинарах в поздней переписке с Ясперсом.

² Gebzattel V.H. von. Medizinische Anthropologie. Einführende Gedanken // Jahrbuch für Psychologie. Psychotherapie und Medizinische Anthropologie. 1959. № 7. S. 198.

рез заснеженный зимний лес к синеве неба. Больше он ничего не делал. Но он по-человечески мне помог. И через три недели я вернулся домой здоровым»¹.

Необходимо заметить, что частные санатории известных тогда в Европе психиатров представляли собой скорее места отдыха, чем лечебные психиатрические учреждения. Они принимали исключительно богатых и знатных пациентов и являлись к тому же местами встречи мыслящей интеллигенции. К сожалению, нам неизвестно, кто кроме Хайдеггера посещал частные санатории Гебзаттеля, но саму их специфику может прояснить санаторий другого, не менее известного психиатра Людвиг Бинсвангера. Туда съезжались психологи, психиатры, философы, ученые и художники из разных стран. В 1912 г. его посетил Фрейд, в 1923 г. — Гуссерль. Среди других философско-знаменитостей — А. Пфендер, М. Шелер, В. Шилази, Э. Кассирер, М. Бубер, Хайдеггер и др. Среди пациентов этого санатория встречались не менее известные лица — швейцарский художник Эрнст Людвиг Кирхнер, король балета Вацлав Нижинский, социолог Макс Вебер. Специфика санатория Гебзаттеля, вероятно, была такой же.

Хайдеггер упоминает Гебзаттеля в своих первых письмах к Медарду Боссу и в другом качестве — как товарища по интересам в антропологии и психиатрии:

1 сентября 1947 г., Тодтнауберг

<...> Может Вы знаете, что [профессор] фон Гебзаттель, с которым я недавно обсуждал многие вопросы философских оснований психотерапии и антропологии, является директором санатория в Баденвейлере и одновременно читает лекции в клинике Берингер (Beginger Clinic), которые очень хорошо принимаются. <...>

15 декабря 1947 г., Фрайбург

Тем временем пришла Ваша книга. Я думаю, что я частично проработаю ее до Вашего следующего визита, которого я с нетерпением ожидаю. Я дам копию профессору фон Гебзаттелю. Вы знаете, как это трудно — получить книги. <...>²

Гебзаттель встречался с Хайдеггером и после 1946 г., когда тот вместе с Бинсвангером присутствовал на его семидесятипятилетию. В работах Гебзаттеля встречаются ссылки, которые могут указывать на влияние великого философа. Однако это не означает того, то феноменология или фундаментальная онтология Хайдеггера имела для феноменологической психиатрии Гебзаттеля определяющее значение.

Этого нельзя сказать о следующем психиатре — Людвиге Бинсвангере. Когда в 1927 г. выходит «Бытие и время», Бинсвангер сразу же его читает. По окончании чтения он впервые встречается с самим Хайдеггером, а в 1929 г. посещает его лекцию во Франкфурте. Впоследствии они несколько раз встречаются во Фрейбурге, Констанс, Кройцлингене, а также на восьмидесятилетию Бинсвангера в Амрисвиле. Между ними завязывается переписка, которая, по данным Г. Шпигельберга, насчитывает около тридцати пяти писем.

В 1930 г. у Бинсвангера выходит первая хайдеггерианская работа «Сон и существование», в которой он пытается определить ориентиры толкования сновидений

¹ Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. М., 2002. С 463.

² Zollikon Seminars: Protocols — Conversations — Letters. Ed. by M. Boss. Trans. F. Mayer & R. Askay. Evanston; Illinois, 2001. P. 238. (далее — Z/S). К сожалению, в данной работе весь комплекс текстов Цолликонских семинаров переводится по английскому переводу. В дальнейшем мы надеемся исправить эту недоработку.

исходя из их целостного понимания. Этой работой Бинсвангер будет гордиться на протяжении всей жизни. Неслучайно в 1953 г., когда Жаклин Вердо попросит у него работу для первого перевода на французский, с которого должно было начаться знакомство с Бинсвангером во Франции, он подойдет к своей книжной полке и достанет именно «Сон и существование».

С помощью экзистенциальной аналитики Хайдеггера Бинсвангер пытается преодолеть субъект-объектную оппозицию и исследовать целостное существование человека в мире. Однако он не просто разовьет положения фундаментальной онтологии. Совершенно своеобразно соединив их с кантианством, он введет конструкт экзистенциально априорных структур человеческого существования¹, применив тем самым онтологию Хайдеггера к конкретному человеку. Позднее он признает, что его оригинальная интерпретация, фактически, была основана на ошибочном понимании экзистенциальной аналитики, которое повлекло за собой попытку использовать онтологическую структуру человеческого существования для понимания бытия как такового. Ханс Кунц назовет это продуктивной ошибкой Бинсвангера. Именно ей экзистенциальный анализ обязан своим рождением.

Бинсвангер конкретизирует экзистенциальную аналитику Хайдеггера и превращает ее из фундаментальной онтологии в фундаментальную антропологию. Идеи Хайдеггера становятся для него единственной возможностью преодолеть противоречия феноменологии Гуссерля и затем, на позднем этапе творчества, снова к ней вернуться. Хайдеггер не устал критиковать трактовку его экзистенциальной аналитики, предложенную Бинсвангером, уточняя тем самым и основные моменты своей собственной теории.

Отмечая различия между собственной Dasein-аналитикой и Dasein-анализом Бинсвангера, Хайдеггер указывает: «Из фундаментально-онтологической аналитики Dasein "психиатрический Dasein-анализ" (Бинсвангер) заимствовал основной концепт «Бытия и времени» *бытие-в-мире* и сделал его единственным основанием своей науки»². Между тем, бытие-в-мире, на взгляд философа, является не единственной и исключительной структурой фундаментальной онтологии, но лишь тем концептом, который необходимо обозначить в самом ее начале.

По мнению Хайдеггера, Бинсвангер полностью исключает из своего экзистенциального анализа уровень фундаментальной онтологии. Обращаясь к книге Х. Хафнера о психопатии, Хайдеггер говорит: «Когда Хафнер утверждает, что психиатрический Dasein-анализ заимствует свой метод у Хайдеггера, он заявляет невозможное, поскольку фундаментальная онтология Хайдеггера — это онтологический метод, а психиатрический Dasein-анализ — не онтология»³. Бинсвангер же забывает о том, что бытие в отрыве от сущего не существует. «Бытие есть всякий раз бытие сущего», — пишет Хайдеггер в «Бытии и времени». Тот анализ, который опускает эти отношения,

¹ Экзистенциально априорные структуры существования у Бинсвангера представляют собой горизонт возможного опыта индивида, который определяет возникновение того или иного психического заблуждения.

² См.: Spiegelberg H. Phenomenology in Psychology and Psychiatry: A Historical Introduction. Evanston. 1972. P. 204.

Z/S. P. 188.

³ Ibid. P. 203.

⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. В.В. Бибихина. Харьков. 2003. С. 24.

как подчеркивает он, не является анализом Dasein: «Психиатрический "Dasein-анализ"¹ имеет дело с искаженным Dasein, из которого изъята и уничтожена его основная особенность»¹.

Устранение фундаментальной онтологии из психиатрического Dasein-анализа, по мнению Хайдеггера, является выражением ошибочного понимания отношений между самой фундаментальной онтологией и онтологией региональной, имеющейся у каждой науки, в том числе и у психиатрии. Первая является не просто общей базой для второй: фундаментальная онтология присутствует в пределах любой онтологии и отказ от нее невозможен. «Ни одна из этих региональных онтологий, — отмечает Хайдеггер, — не может быть лишена оснований, и менее всего региональная онтология психиатрии, как области исследования, включающей развертывающуюся сущность человека».

Следствием указанного упущения является неадекватное толкование бытия-в-мире и трансценденции, в частности — их отождествление. Эти понятия кладутся в основу всей системы, и Dasein начинает пониматься синонимично понятию субъекта в соответствии с антропологическим представлением о человеке. В случае таких натяжек можно с легкостью добиться упразднения субъект-объектной оппозиции и введения более обширного и продуктивного понятия субъективности субъекта. «Каково значение "рецепции Бытия и времени" для психиатрии? — вопрошает Хайдеггер, — Здесь (в «Бытии и времени») [Бинсвангер видит] реальную выгоду: основание "для того, чтобы преодолеть проблему субъективности с научной точки зрения"»³. Но, продолжает Хайдеггер, истинная фундаментальная онтология в его собственной трактовке не предполагает противопоставления понятий субъекта и объекта и поэтому не констатирует никакой оппозиции, которую необходимо преодолеть. В рамках «Бытия и времени», как считает Хайдеггер, нет никакой проблемы субъективности, бытие-в-мире не является свойством субъективности, поскольку является прежде всего специфически человеческим способом существования.

Еще одним пунктом экзистенциального анализа Бинсвангера, как мы помним, является утверждение о том, что психиатрический экзистенциальный анализ может приоткрыть завесу над структурой Dasein. Развивая критику Хайдеггера, можно с уверенностью утверждать, что такое невозможно, поскольку никакого перехода между онтологическим и онтическим просто не существует, они теснейшим образом связаны. По той же причине невозможен и переход, или переходная сфера, между конкретной наукой и фундаментальной онтологией. «Утверждение Бинсвангера о связи между аналитикой Dasein и специфической предметной областью психиатрии, — отмечает Хайдеггер, — могло возникнуть только вследствие неверного понимания. Оно сформировано на основании теории, согласно которой онтология располагается высоко, как солнце, а конкретная объектная область внизу. Он постоянно мечется взад-вперед между верхней и нижней областями. Однако в действительности нет высшей и низшей области, потому что они никак не отделены друг от друга»⁴.

Как считает Хайдеггер, онтология не может устанавливать принципы для Dasein-аналитического исследования в психиатрии, эти принципы и есть его содер-

¹ Z/S. P. 190.

² Ibid. P. 191.

³ Ibid. P. 191.

⁴ Ibid. P. 204.

жание. Они совместно определяют исследование расстройства у конкретного человека. Конкретная наука, как и фундаментальная онтология, по его мнению, способна увидеть онтологические структуры, но не может понять их¹. Поэтому поставленные в экзистенциальном анализе Бинсвангера задачи (а конкретнее — исследование модификаций Dasein), исходя из таких представлений, недостижимы.

Третьим психиатром, которого Хайдеггер повстречал на своем жизненном пути и к которому он относился намного благосклоннее, чем к Бинсвангеру, стал Медард Босс.

В предисловии к первому изданию «Цолликонских семинаров» Босс рассказывает историю его знакомства с работами Хайдеггера и с Хайдеггером лично. Эта история весьма занимательна. Во время Второй мировой войны Босс служил военным врачом в Швейцарской армии, а конкретнее — батальонным доктором в горах Швейцарии. В соответствии с уставом Швейцарской армии, к нему приставили, как он вспоминает, по меньшей мере, троих врачей-ассистентов. Личный состав, за здоровьем которого он должен был наблюдать, состоял из крепких мужчин из горных районов, привыкших выполнять тяжелую работу. Поэтому в течение всего периода службы в армии он вынужден был сидеть без дела. Но это безделье, как оказалось впоследствии, пошло ему только на пользу. Босс пишет: «Впервые в моей жизни на меня часто находила скука. То, что мы называем "временем", стало для меня проблемой. Я начал напряженно размышлять об этой "вещи". В доступной мне литературе я искал какую-либо информацию об этом феномене. Случайно я натолкнулся на газетную статью о книге Хайдеггера "Бытие и время", в которую я тотчас погрузился, но обнаружил, что почти ничего из нее не понял. Книга ставила вопрос за вопросом, с которыми я никогда не сталкивался в моей естественнонаучной подготовке»².

В 1947 г. Босс пишет Хайдеггеру первое письмо, тот, как ни странно, отвечает, и этим письмом открывается их многолетняя переписка:

Тодтнауберг, 3 августа 1947 г.

Уважаемый Д-р Босс!

Я благодарю Вас за Ваше доброжелательное письмо. Те, кто читает медленно, вызывают гораздо больше доверия, чем те, кто понимает все мгновенно.

<...> Вы знаете, проблемы психопатологии и психотерапии, включая вопрос об их основаниях, очень интересуют меня, хотя мне и не достает профессиональных знаний и осведомленности в фактических исследованиях. Поэтому я весьма заинтересован вашими материалами. <...>

Если у Вас есть возможность в какой-то мере поддержать мою работоспособность небольшим пакетом шоколада, то я был бы Вам весьма признателен.

С дружескими пожеланиями,

С уважением,

М. Хайдеггер

В 1949 г. Босс впервые едет к Хайдеггеру в Тодтнауберг, и переписка перерастает в крепкую дружбу. Р. Сафрански пишет, что «Мартин Хайдеггер ожидал многого от общения с этим врачом, который, казалось, понимал его мышление»⁴. Известно, что Хайдеггер никогда не пользовался психотерапевтическими услугами Босса, по-

¹ Ibid. P. 205.

² Ibid. P. XV.

³ Ibid. P. 237.

⁴ Сафрански Р. Хайдеггер: Германский мастер и его время. С. 532.

видимому, ему слишком дорога была их дружба. Тем не менее, однажды Хайдеггер поведал ему свой якобы единственный, но часто повторяющийся сон. Ему снилось, что он еще раз должен сдать экзамены на аттестат зрелости, причем, тем же преподавателям, которые когда-то их у него принимали. По этому поводу Босс в своих записках пишет: «В конце концов, этот стереотипный сон перестал ему сниться, — после того, как он, уже в бодрствующем мышлении, сумел осознать "бытие" в свете "события"»¹. Весьма любопытно, что Босс «излечил» Хайдеггера его же методами.

Новый взгляд, подаренный Боссу Хайдеггером, реализуется при написании им целой серии работ, последовавших за их знакомством: «Смысл и содержание сексуальных перверсий: вклад Dasein-анализа в психопатологию феномена любви», «Сновидение и его толкование», «Введение в психосоматическую медицину», «Психоанализ и Dasein-аналитика»². Во всех них Босс развивает проект Dasein-анализа и указывает на необходимость Dasein-аналитических исследований в психиатрии.

На основании фундаментальной онтологии Хайдеггера Босс строит собственную концепцию Dasein-анализа. Ему не просто нравилась теория, предложенная Хайдеггером, он не просто видел в ней ключ к реформированию психиатрии как науки о человеке. Он был очарован Хайдеггером-человеком. Хайдеггера и Босса связывала не просто интеллектуальная переписка, как это было у Бинсвангера с Фрейдом, а многолетняя дружба. И это при том, что Хайдеггер не любил заводить знакомств и был очень требователен к друзьям. Именно поэтому Босс воспринимает теорию Хайдеггера как абсолютную данность. После знакомства с Хайдеггером он ни в один период своей творческой деятельности не сомневается в истинности его теории и поэтому принимает ее в первоизданном виде. Хотя в интервью Эриху Крейгу он и говорит, что горизонты мысли его учителя были настолько широки, что он не всегда имел возможность к ней приблизиться, в меру своих возможностей он подошел к ним достаточно близко, ближе всех, кого принято называть экзистенциальными аналитиками. Он совершенно не изменяет суть Dasein-аналитики, оставляет всю хайдеггеровскую терминологию: «открытость», «бытие-в-мире», «Dasein», «просвет» и др. Как пронизательно подмечает А.М. Руткевич, «...Босс чуть ли не на каждой странице повторяет, как заклинания, эти хайдеггеровские положения...»⁴.

Центральным в Dasein-анализе Босса оказывается понятие открытости, заимствованное им у Хайдеггера. При этом открытость становится причиной всех патологических феноменов человеческого существования. Каждый из них возникает, когда открытость по каким-либо причинам сужается и, как следствие, блокируется взаимодействие человека с миром вещей и людей. Бытие человека в таком случае, как считает Босс, больше не способно к высвечиванию объектов и явлений внешнего мира\

¹ Цит. по: Там же. 533-534.

² Boss M. Sinn und Gehalt der sexuellen Perversionen — Hin daseinsanalytischer Beitrag zur Psychopathologie des Phänomens der Liebe. Bern: Hans Huber, 1947; Boss M. Der Traum und seine Auslegung. Bern: Hans Huber, 1953; Boss M. Hinführung in die psychosomatische Medizin. Bern: Hans Huber, 1954; Boss M. Psychoanalyse und Daseinsanalytik. Bern: Hans Huber, 1957.

³ См.: Craig H. An encounter with Medard Boss // Humanistic Psychologist. 1988. № 16. P. 24-55.

⁴ Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа. М., 1985. С. 145.

⁵ Наиболее полно Dasein-анализ Босса представлен в его итоговой работе, написанной под пристальным руководством Хайдеггера, «Экзистенциальные основания медицины и психологии». См: Boss M. Grundriss der Medizin und der Psychologie. Bern, 1971.

Не менее любопытными результатами общения Босса и Хайдеггера являются Цолликонские семинары. Начались они в сентябре 1959 г. с лекции Хайдеггера в аудитории всемирно известной психиатрической клиники Университета Цюриха «Бургхольцли». Аудитория, незадолго до этого отремонтированная, выглядела гиперсовременно и была оснащена различным оборудованием, что, как вспоминал Босс, создавало для размышлений Хайдеггера не вполне комфортную атмосферу. Решено было перенести семинары в дом Босса в Цолликоне. Два-три раза в семестр приблизительно в течение двух недель Хайдеггер гостил у него с частными визитами. В это время и проводились семинары: вечером, дважды в неделю по три часа. Первыми слушателями были студенты и коллеги самого Босса, которых сначала набиралось около 50-70 человек.

Хайдеггер тщательно готовился к каждому семинару, посвящая подготовке целый день. Несмотря на это, на первых встречах стояла напряженная тишина, поскольку никто из присутствующих ничего не понимал. Да и сам Босс, по его собственному признанию, не мог заполнить возникавшие паузы, поскольку тогда еще был в теории Хайдеггера новичком. Хайдеггер впоследствии говорил, что чувствовал себя марсианином, по воле провидения попавшим на Землю. Действительно, для сидевших в аудитории Он мог оказаться только марсианином, говорящим о чем-то невразумительном и вздорном, тогда как их наука уже дала внятное объяснение обсуждаемым феноменам. Позднее, 3 марта 1972 г., Босс очень четко выразит это настроение в беседе с Хайдеггером о проблеме тела и души. В ответ на сложные философские выкладки своего друга он говорит: «Я боюсь, что коллеги-ученые будут только смеяться над таким представлением»¹. Тем не менее, постепенно контакт между философом и врачами все же налажился, и семинары оказались чрезвычайно продуктивными как для присутствовавших на них слушателей — врачей и психологов, — так и для самого Хайдеггера. Закончились они лишь в 1970 г., когда постаревший Хайдеггер уже не мог выдерживать их напряженный график.

Протоколы Цолликонских семинаров весьма и весьма любопытны, поскольку большинству исследователей, занимающихся философией, Хайдеггер знаком как автор «Бытия и времени» и других печатных работ. Мы знаем его в статике как автора системы экзистенциальной аналитики. Цолликонские семинары представляют нам живого, динамичного Хайдеггера. Мы можем увидеть его стиль мысли, то, как в данный момент рождаются и аргументируются его идеи. Это поздний Хайдеггер, пересмотревший многие идеи раннего «Бытия и времени», Хайдеггер, совершенно неизвестный в России. Но нам любопытно и другое. В семинарах он представляет нам свой взгляд на феномены, ранее не охваченные его экзистенциальной аналитикой, те, осмысление которых требовала аудитория врачей и психологов. Это и психоанализ Фрейда, и статус психиатрии, и патологические феномены психики, и контакт между врачом и пациентом, а также многое другое. Поэтому в каком-то смысле Хайдеггера можно причислить к Dasein-аналитикам, ведь Цолликонские семинары проводятся в поле уже сформировавшегося экзистенциального анализа.

Во время многолетнего общения с Боссом Хайдеггер значительно продвинулся на пути изучения психиатрии. Сам Босс, как это явствует из писем Хайдеггера, не раз давал ему книги. Позицию Хайдеггера относительно психиатрии, которую он демон-

---

¹ Z/S. P. 233.

стрирует на Цолликонских семинарах, а также в беседах и письмах к Боссу, можно назвать критической. Противопоставляя свою экзистенциальную аналитику современному естествознанию, и в частности психиатрии, он тем не менее не предлагает сколько-нибудь разработанной альтернативной теории. Хайдеггер выступает как промежуточное звено между естествознанием и экзистенциальным анализом в лице Босса. Если вспомнить всем известную гегелевскую триаду «тезис — антитезис — синтез», то здесь мы видим аналогичную: «психиатрия — фундаментальная онтология Хайдеггера — Dasein-анализ Босса».

Разбирая понятия болезни и здоровья, Хайдеггер отмечает, что медицина основывается на понятии отрицания, понимая его как нехватку и отсутствие. Он говорит: «Доктор спрашивает того, кто к нему приходит: "Что с вами не так?". Больной человек *не здоров*. Это бытие-здоровым, это хорошее самочувствие, это ощущение того, что с тобой все в порядке, не просто отсутствует, оно разрушено. Болезнь не является чистым отрицанием психосоматического состояния здоровья. Болезнь — это явление отсутствия. Каждое отсутствие подразумевает сущностную принадлежность чему-то, что испытывает в чем-то недостаток, в чем-то нуждается»¹.

Отсутствие и недостаток всегда отсылает к тому, чего недостает больному, поэтому, обращаясь к болезни, врачи, как считает Хайдеггер, имеют дело и со здоровьем, особенно в смысле его нехватки и необходимости восстановления. Подобно тени, которая является недостатком освещения, а не его отсутствием, болезнь — это недостаток здоровья. «Таким образом, небытие здоровым, бытие больным является модусом существования в отсутствии. Природу бытия больным, соответственно, нельзя схватить без четкого определения бытия здоровым»², — говорит он.

Как известно, одной из центральных проблем психопатологии является проблема негативных симптомов психического расстройства — бреда и галлюцинаций, — поэтому неудивительно, что к этой проблематике обращается и Хайдеггер. Он обсуждает с Боссом случай больного-шизофреника, простого рабочего фабрики, который всю жизнь считает себя гомосексуалистом. Через несколько дней после отъезда своего друга, проснувшись ночью, этот человек видит на противоположной стене своей комнаты восходящее солнце, а он как бы лежит под солнцем. Феноменологию этой галлюцинации Хайдеггер и пытается представить.

Он отмечает, что при осмыслении сущности и причин галлюцинаций нельзя отталкиваться от различия реального и нереального, нужно начать с исследования характера отношений к миру, в которые вовлечен больной в данное время. Для психиатров, подчеркивает Хайдеггер, важно знать, что существуют разнообразные способы присутствия, разные способы открытости Dasein миру. Он говорит: «Вдобавок к модусу присутствия как физически воспринимаемого и актуального существует, например, и модус присутствия представляемых вещей физически не воспринимаемым способом. Кроме того, есть модус сохранения того, что произошло в определенное время. Так же, как в нашем случае, существует модус присутствия чего-то, что галлюцинируется и не может быть изменено. Есть модус присутствия иллюзии, которым можно управлять. Затем есть то, что предполагается, а также то, что отсутствует».

---

¹ Ibid. P. 46.

² Ibid. P. 47.

³ Ibid. P. 151.

Галлюцинирующий человек может лишь наблюдать свой мир как физически видимый, как непосредственное бытие-присутствие (*Anwesend-sein*). Он не способен понять различия между тем, что присутствует, и тем, что отсутствует, а поэтому не может свободно существовать в мире. Как следствие, больной ощущает отъезд друга только как навязчивое присутствие чего-либо, в данном случае солнца, но пережить отсутствия друга не способен. Существование в этом случае раскрывается не в отсутствии, а лишь в присутствии.

Все идеи Хайдеггера относительно психопатологических феноменов нашли свое продолжение в работах Босса. Его книга «Экзистенциальные основания медицины и психологии», как явствует из переписки, была написана под чутким руководством Хайдеггера. И, на наш взгляд, вполне может быть признана плодом их совместного творчества. Получается, что *Dasein*-анализ и сформировался под влиянием идей Хайдеггера (например, в работах Бинсвангера и его последователей), и был самим же Хайдеггером скорректирован (на заседаниях Цолликонских семинаров). Но это уже тема другой работы — «Психиатры и Хайдеггер».

Любопытно, что в своей близости к клиницистам Хайдеггер повторил путь Шеллинга. Как ни странно, именно последователи-психиатры (Г. Стеффенс и Г.Г. фон Шуберт и др.) сохранили ему верность, когда он был всеми забыт. По-видимому, такова традиция немецкой философии, что у постели умирающего Шеллинга стояли именно практикующие психиатры, и именно психиатр не побоялся дружить с опальным Хайдеггером. История философии иногда совершает причудливые изгибы...

О.А. Vlasova

Phenomenology in space of psychiatry: Heidegger and clinical physicians

In article M. Heidegger's relations with psychiatrists V.K. von Gebattel, L. Binswanger. M. Boss are considered. Influence of their views, works and activity for a life and Heidegger's ideas is shown.